

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 382–387

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 382–387

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-382-387>, EDN: JWZFCQ

Научная статья

УДК 101.1:316

Роль памяти в социальном механизме признания

В. А. Копанева

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

Копанева Валерия Андреевна, соискатель кафедры философии, leravalera5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8656-236X>

Аннотация. Введение. В статье рассмотрена роль памяти в коммуникации между людьми, а также в таком процессе, как признание. Никакая коммуникация не осуществима без первичного признания одного субъекта другим. Признание – это способ удержания предмета в памяти через связь менее значимого с более значимым. Соответственно, признание становится социальным не тогда, когда оно произошло, а после того, как оно закрепилось. **Теоретический анализ.** В качестве гипотезы предложена идея закрепления, которая отсылает к тому, что признание предполагает дистанцию во времени: определить, действительно имело место признание или нет, возможно постфактум через рефлексии опыта. Таким образом, память обеспечивает консервацию признания. Чтобы признание состоялось на уровне памяти, необходим ряд условий: новизна, длительность воздействия, ценностное подкрепление, контрастность, событийность, эмоциональный фон, актуализация, нарративность. **Заключение.** Рассмотрены проблемы забвения, которые влияют и на механизм признания. Забвение создает дефицит материала для признания, которое становится затруднительным из-за отсутствия достаточной информации. Память помогает соединить разрозненные элементы в систему и тем самым дает возможность состояться признанию, так как является условием для конструирования семиотической реальности.

Ключевые слова: память, признание, традиция, общность, коммуникация, забвение

Для цитирования: Копанева В. А. Роль памяти в социальном механизме признания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 382–387. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-382-387>, EDN: JWZFCQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of memory in the social recognition mechanism

V. A. Kopaneva

Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russia

Valeria A. Kopaneva, leravalera5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8656-236X>

Abstract. Introduction. This article examines the role of memory in communication between people, as well as in such a process as recognition. No communication is feasible without the primary recognition of one subject by the other. Recognition is a way of holding a subject in memory through the connection of the less significant with the more significant. Accordingly, recognition becomes social not when it has occurred, but after it has been fixed. **Theoretical analysis.** The hypothesis proposed is the idea of fixation, which refers to the fact that recognition implies distance in time: it is possible to determine whether or not recognition has actually taken place post factum through reflection on experience. Thus, memory ensures the preservation of recognition. A number of conditions are necessary for recognition to occur at the level of memory: novelty, duration of exposure, reinforcement of value, contrast, eventfulness, emotional background, actualization, narrativity. **Conclusion.** The problems of oblivion, which also affect the mechanism of recognition, have been considered. Oblivion creates a deficit of material for recognition, which becomes difficult due to the lack of sufficient information. Memory helps to connect disparate elements into a system and thus enables recognition to take place, since it is a condition for the construction of a semiotic reality.

Keywords: memory, recognition, tradition, community, communication, oblivion

For citation: Kopaneva V. A. The role of memory in the social recognition mechanism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 382–387 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-382-387>, EDN: JWZFCQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из универсальных ценностей человеческой культуры является коммуникация, предполагающая выстраивание социальных

отношений, которые носят длящийся традиционный характер. Однако довольно часто можно наблюдать разобщенность между индивидами или краткость социальных связей, препятствующие долгосрочной совместной деятельности. Акту-

ализируется вопрос о механизме признания, который недостаточно разработан и понятен для того, чтобы в полной мере применять его на практике для построения успешной коммуникации.

Никакая коммуникация неосуществима без первичного признания одного субъекта другим. Признание – это способ удержания предмета в мышлении через связь менее значимого с более значимым. Соответственно, признание становится социальным не тогда, когда оно произошло, а после того, как оно закрепилось в памяти.

Социальная философия ставит перед собой задачу рефлексировать механизм построения человеческих общностей, в котором признание и память образуют неразделимое органическое единство: признание обеспечивает непрерывность социального пространства, а память – континуальность социального времени. Как отмечает П. Рикер, именно в коллективном мышлении содержатся инструменты для восстановления связей между объектами, концептуализирующегося им как «сцепление» [1, с. 172].

Благодаря социальному признанию и общей памяти «коммуникация принимает форму общения, т. е. такого обмена смыслами, в процессе которого происходит фокализация определенных значений и образов, фундирующих общегрупповую мотивацию, с помощью которой создаются и поддерживаются социокультурные целостности (общности) разных таксономических уровней (народ, нация, цивилизационная целостность)» [2, с. 44].

Теоретический анализ

Идея социальной связи воплощается в сознании через мышление, являющееся в механизме признания предшествующей стадией по отношению к памяти. П. Рикер заметил, что память идет вслед за воображением, т. е. у них есть общая функция – «вызывать в мысли другое» (например, ассоциации или воспоминания о событиях, вещах, людях) [3, с. 110]. Из этого следует, что память не выстраивает самостоятельные связи, а заимствует их из мышления, чтобы закрепить.

Вероятнее всего, в памяти отложатся социальные связи, содержащие ценностные установки, т. е. распознаваемые как благо или вред для индивида или общества. Так, А. И. Макаров отмечает сохранение символической среды как основную функцию человеческой памяти. Это необходимо для реализации социального типа коммуникации [2, с. 42].

Запоминание способствует обобщению опыта в ситуации, когда объект признания носит сложный характер, т. е. состоит из двух частей (минимум). В этом случае сам процесс признания как идентификации носит длящийся характер и память становится совершенно необходимой для того, чтобы сопоставить эти части между собой и соединить их в общую картину. При этом части целого могут быть разделены следующим образом:

во времени; в этом случае память используется в целях восстановления фактов, происходивших в разные моменты, и сведения их воедино;

в пространстве; память необходима для того, чтобы зафиксировать элементы, расположенные в разных частях пространства, и в последующем синтезировать их в рамках общего представления.

Идея закрепления означает, что признание предполагает дистанцию во времени: определить, действительно ли имело место признание, возможно лишь постфактум через рефлекссию опыта. Таким образом, память обеспечивает консервацию признания.

Запоминание происходит в тот момент, когда осуществляется признание. Чтобы признание состоялось на уровне памяти, необходим ряд условий:

1. Новизна: запоминается то, что воспринимается как нечто отдельное от предшествующего опыта. Поэтому человек часто запоминает свой первый опыт: первое купание в море, первый поцелуй, первую любовь, первое расставание и т.д.

2. Длительность воздействия: в качестве объекта признания выступает то, что находится в поле внимания достаточное время для осмысления и соотнесения с образцом. Чем дольше объект признания охвачен вниманием субъекта признания, тем больше у второго оснований для того, чтобы признание осуществить: например, ученик с большей вероятностью признает учителя, который вел у него занятия в течение года или 5 лет, чем того, кто вел уроки неделю–месяц.

3. Ценностное подкрепление: осознание ценностей позволяет выработать образец, который служит необходимым условием признания, так как выполняет ориентирующую функцию. Следовательно, чтобы образец мог быть применен, требуется, чтобы он уже изначально находился в памяти. Например, писатель в качестве образца берет детективный жанр. Соответственно, чтобы писать в этом жанре, ему необходимо запомнить все его элементы и особенности.

4. **Контрастность:** запоминается то, что отличается от привычного порядка вещей. Это условие можно наблюдать на корпоративных встречах, когда у коллег есть привычные роли, но вдруг в ходе мероприятия они демонстрируют новые стороны, которые не были очевидны при деловых вопросах: кто-то хорошо поет песни под гитару, у кого-то шикарный неофициальный стиль одежды, кто-то обладает актерскими данными и т.д.

5. **Событийность:** внутренняя цельность и значимость признаваемого факта влечет обособленность события самого признания. В повседневности событийность обычно принято обозначать через праздники (хотя это не единственная форма событийности): празднование дня рождения, всеобщих праздников, повышение в должности, защита диссертации, путешествие и др.

6. **Эмоциональный фон:** запоминаются образы, которые эмоционально ярче переживаются. Причем эмоции могут быть положительными и отрицательными: мать помнит встречу с новорожденным ребенком, студент помнит экзамен, который он не сдал, влюбленный юноша помнит слова возлюбленной на свидании.

7. **Актуализация:** памятно то, что виртуально продолжается до сих пор или связано с текущими событиями. Чем чаще история припоминается, рассказывается другим и превращается в «бытовую легенду» или байку, тем дольше она актуальна и помнится.

8. **Нарративность:** запоминается то, что артикулировано в ретрансляции текстов (согласно М. Хальбваксу память сохраняет только то, что разделено с другими [4, с. 53]). Поэтому закономерно, что человек рассказывает истории, в которых участвовал не только он один, но и его друзья (коллеги), семья. Например, сны, которые видел человек сам, и мероприятие, которое он посетил в одиночестве и ни с кем не обсудил его, быстро забываются.

Поскольку процесс признания включает в себя соединение предмета и культурного образа, то в этом случае функционально необходимы две формы социальной памяти, выделяемые Я. Ассманом: устная и письменная. Причем сам процесс признания опосредуется коммуникативной памятью, а его нормативно-ценностные основания заложены в культурной памяти [5, с. 20–21]. Примером может служить деятельность поэтов-символистов, вошедших в историю русской культуры и оказавших на нее сильное воздействие, которое актуально в культурной памяти по сей день. Символисты впервые

вышли за рамки старого символа: они превратили общепринятый прием – использование поэтических символов – в мировоззренческую парадигму. Если раньше поэты использовали символ как выразительное средство, то К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок, З. Гиппиус, В. Иванов и другие представили его как самоцель, как метафизическую реальность. Символизм существовал на протяжении 20 лет и оказывал влияние на последующую поэзию (еще в течение почти 20 лет), в первую очередь – эмигрантскую, а также косвенно на советскую литературу. Ценностным подкреплением символизма следует считать признание со стороны критиков, какими (далеко не случайно) были и сами ведущие символисты (А. Белый, Д. Мережковский и др.). Контрастность воплощена в принципах символического подхода, который был противопоставлен реализму, господствовавшему в конце XIX в. Если в основе реализма лежала идея отражения жизни, то целью символизма стало преобразование реальности, реализм провозглашал, что искусство служит обществу, а символизм декларировал, что искусство служит самому себе и т.д. Таким образом, взаимное противопоставление происходило по всем основным идейным позициям. Событийность выражалась в проведении множества акций, направленных в том числе на получение признания: издания журналов «Мир искусства», «Аполлон», «Весы», публичных выступлениях, создании манифестов и др. Что касается эмоционального фона, то символисты доказывают, что эмоциональные образы являются не каким-то следствием или эффектом основной деятельности, а ее основным предметом, поскольку непосредственно конструировались в ходе самого творчества. Актуализация и нарративное подкрепление творчества символистов осуществлялись как их собственными усилиями, направленными в будущее, так и современными интерпретациями их текстов, упоминаниями и цитатами в литературе, музыке, кино и других видах творчества. П. Рикер указывал, что интерпретация – это способ поддержания традиции: чем интенсивнее осуществляется интерпретация текстов, тем выше авторитет этих текстов в культуре [6, с. 59].

Ф. Ницше полагал, что главным условием запоминания является страдание: чем сильнее травматический опыт, тем лучше происходит запоминание: «Чем хуже обстояло «с памятью» человечества, тем страшнее выглядели всегда его обычаи; суровость карающих законов, в частности, является масштабом того, сколько понадобилось усилий, чтобы одержать верх

над забывчивостью и сохранить в памяти этих мимолетных рабов аффекта и вождения несколько примитивных требований социального сожительства» [7, с. 441–442].

Фиксация объекта или субъекта в памяти означает способность в дальнейшем воспроизводить закрепленное независимо от его реального присутствия [8, с. 261]. Этот эффект возможно осуществить через разнообразные вещественные, образные, письменные и устные формы. Например, портреты выдающихся ученых, писателей и поэтов, которые висят в помещениях школ, вузов, музеев, сообщают о том, что изображенные на них лица обладают ресурсом *признанности*. Это означает, что факты признания, полученного ими в прошлом, теперь используются другими. Признанность в отличие от признания статична, т. е. представляет собой некий совершившийся акт, в ходе которого лишь актуализируются ранее полученные знания. Признанность содержит в себе прошлое признание, но не в актуальном или потенциальном виде, а в снятом.

Если рассмотреть память во временной плоскости, то момент запоминания (прошлое) – это ситуация построения социальной связи, а в момент забвения (будущее) связь распадается.

Основными причинами распада социальных связей являются:

1. Рутинность как отсутствие событийности (восприятия фактов реальности как отдельное и отличающееся от повседневности), когда потенциальные объекты признания не фиксируются субъектом механизма признания и не выделяются из потока вербальной и невербальной информации и среды. Не фиксироваться событийность может по трем причинам:

индивид игнорирует событийность, т. е. у него есть «естественная установка», что рутина стабильна, а стабильность – это хорошо, значит выделяющиеся факторы не замечаются;

индивид отрицает событийность, не признает ее из-за стереотипов, ошибочного восприятия или понимания событийности;

индивид встроен в сообществе, где то или иное событие не признается и функционально отменено или в принципе отменен феномен событийности, поскольку коллектив находится в отчужденных практиках.

2. Устаревание как отсутствие актуализации, когда смысловая связь не подтверждается текущим опытом. Часто устаревание ассоциируется с ненужностью и в то же время с надежностью. Однако необходимо различать два вида устаревания:

устаревание функции вещи (статуса), т. е. ситуация, когда вещь (статус) утратила или не способна функционировать в новых условиях реальности (например, функции кучера устарели);

устаревание объекта – ситуация, когда вещь не используется в обиходе человека (например, камера-обскура или компостеры в общественном транспорте).

3. Умолчание как отсутствие нарративности, когда не происходит текстуальное возобновление признания, в котором заинтересованы обе стороны механизма: и тот, кто первый осуществляет признание, и тот, кто отвечает. Признание – это условие для начала коммуникации и для ее поддержания, и сохранения между индивидами, однако если вербальное признание не осуществляется никем из участников коммуникации, то такая коммуникация скорее распадется.

4. Нейтральность как отсутствие значимости: между элементами, не представляющими ценности для субъекта, социальные связи не формируются или утрачиваются. Равнозначность и равнопорядковость вещей приводят к идее замены: одну вещь легко заменить другой, а значит в этом нет ценности или особого отношения у субъекта признания.

Одним из наиболее значимых факторов забвения является отсутствие вербализации: если связь имеет словесную форму, то она получает двойное подкрепление – внутреннее и внешнее, поскольку существует в сознании субъекта и выражается письменно или устно. Однако если связь существует только в сознании и не транслируется вовне, то она подвержена большей энтропии.

Заключение

Забвение создает дефицит материала для признания, которое становится затруднительным из-за отсутствия достаточной информации. В своем труде «Путь признания. Три очерка» П. Рикер говорит о забвении как о враге памяти, сравнивая ее с попытками поиска и спасения обломков после кораблекрушения, т. е. забвения [3, с. 108].

С учетом концепции П. Коннертона, который выделяет 7 видов забвения (репрессивное стирание, предписывающее забывание, забывание как основание для новой идентичности, структурная амнезия, забывание как аннулирование, забывание как запланированное устаревание), препятствием к социальному

признанию могут служить такие типы забвения, как структурная амнезия (забывание того, что не является социально значимым) и аннулирование (забывание в связи с избытком информации) [9, с. 59–71].

В частности, в результате структурной амнезии могут утрачиваться социально значимые смыслы, которые необходимы для конструирования признания (например, социальные ценности и образцы). Для культуры постмодерна особенно характерно забвение как аннулирование, вызванное избыточностью потоков информации [10, с. 6], вследствие чего потенциальные объекты признания не успевают закрепиться в социальной памяти, а сам процесс признания не завершается или даже не начинается. Этот эффект забвения П. Рикер описывает следующим образом: «Забвение мешает деятельности продолжаться, поскольку из-за него либо до такой степени запутываются роли, что становится невозможно в них разобраться; либо возникают неразрешимые конфликты, в которых разногласия оказываются непреодолимыми; либо упускаются из внимания непоправимые ошибки, зачастую совершенные в давно минувшее время» [1, с. 696].

Забвение порождает и другую проблему – устаревание, т. е. ситуацию, когда образ «застыл» и больше не происходит обновления информации о нем. Что может мешать обновлению образа? Несколько основных препятствий:

культ образа: образ не обновляется, потому что высокую ценность имеет уже сложившееся представление, а все новые элементы воспринимаются как угроза;

естественная установка, что новизна – это плохо, поскольку новое сопряжено с разрушением (если не целого, то хотя бы части сложившегося порядка);

страх неопределенности: новое еще неустойчиво и не всегда позволяет спрогнозировать будущее.

Таким образом, только память помогает соединить разрозненные элементы в систему и тем самым дает возможность состояться признанию, так как служит условием для конструирования семиотической реальности [2, с. 44].

Если запоминание – это погружение элементов в память, то припоминание – это извлечение из памяти. Припоминание представляет собой использование имеющихся в памяти сведений в момент признания, когда необходимо сопоставить настоящее и прошлое. Поскольку само признание носит динамический характер,

то припоминание позволяет отследить развитие того объекта или субъекта, который подвергается признанию.

Для социально-философского исследования связь признания и памяти выступает важным концептуальным ресурсом в осмыслении таких феноменов, как социальные институты и нормы, основанные на устойчивой легитимации. Что касается забвения, то оно представляет собой фактор риска, ослабляющий социальные связи и подрывающий функциональность традиции.

Список литературы

1. Рикер П. Память, история, забвение. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
2. Макаров А. И. Феномен надъиндивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград : Издательство ВолГУ, 2009. 216 с.
3. Рикер П. Путь признания. Три очерка. М. : РОССПЭН, 2010. 268 с.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2002. 624 с.
7. Ницше Ф. К генеалогии морали. М. : Мысль, 1996. 829 с.
8. Платон. Тезтет // Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2006. Т. 2. С. 229–328.
9. Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 59–71.
10. Аникин Д. А. Феномен забывания и диалог культур в глобализирующемся социуме : Российский опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 3–8.

References

1. Ricœur P. *Pamyat', istoriya, zabveniye* [Memory, history, oblivion]. Moscow, Publishing House of Humanitarian Literature, 2004. 728 p. (in Russian).
2. Makarov A. I. *Fenomen nadyndividual'noy pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya)* [The Phenomenon of Supra-Individual Memory (Images – Concepts – Reflection)]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo Universiteta, 2009. 216 p. (in Russian).
3. Ricœur P. *Put' priznaniya. Tri ocherka* [The Way of Recognition. Three Essays]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 268 p.

4. Halbwachs M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow, Novoye izdatel'stvo, 2007. 348 p.
5. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 368 p.
6. Ricœur P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow, CANON-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2002. 624 p.
7. Nietzsche F. *K genealogii morali* [To the Genealogy of Morality]. Moscow, Mysl' Publ., 1996. 829 p.
8. Platon. Theetet. In: Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Works: in 4 vols.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2006, vol. 2, pp. 229–328.
9. Connerton P. Seven Types of Forgetting. *Memory Studies*, 2008, no. 1, pp. 59–71.
10. Anikin D. A. The phenomenon of forgetting and the dialogue of cultures in a globalizing society: Russian experience. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 3–8 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.04.2022, одобрена после рецензирования 02.05.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 17.04.2022, approved after reviewing 02.05.2022, accepted for publication 17.10.2022